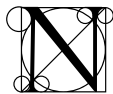

Барбара Пим

Барбара Пим
Замечательные
ЖЕНЩИНЫ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
П32

Серия «Англия: серьезно, но не очень»

Barbara Pym

EXCELLENT WOMEN

Перевод с английского *А. Комаринец*

Художник *В. Лебедева*

Печатается с разрешения наследников автора,
литературного агента

Laura Morris и литературного агентства
The Buckman Agency.

Пим, Барбара.

П32 Замечательные женщины : [роман] / Барбара Пим ;
[пер. с англ. А. Комаринец]. — Москва : Издатель-
ство АСТ, 2015. — 320 с. — (Англия: серьезно, но не
очень).

ISBN 978-5-17-084604-7

Изящный, нестареющий роман, полный истинно британского юмора!

Милдред Лэтбери — одна из тех «замечательных женщин», чьи достоинства все воспринимают как должное. Для друзей и знакомых она — истинный дар небес. Невозмутимая, исполненная здравого смысла, Милдред способна с легкостью справиться с любыми проблемами: она умеет и роды принять, и в последний путь проводить. А еще — устроить истинно английское чаепитие, организовать свадьбу, благотворительный базар и, пожалуй, хорошую погоду обеспечить, чтобы все прошло безупречно.

Но вот беда — все чаще Милдред поневоле втягивается в перипетии чужих жизней, особенно в сложные отношения новых эксцентричных соседей Нейпиров. Казалось бы, ей надо просто сохранять строгий нейтралитет. Но язвительный Роки Нейпир, похоже, уже не может обходиться без общества Милдред, да и сама она все реже думает о викарии, которого все прочат ей в мужа, и день за днем ждет на чай блистательного соседа...

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

© **Barbara Pym, 1952**
© **Перевод. А. Комаринец, 2015**
© **Издание на русском языке**
AST Publishers, 2015

ISBN 978-5-17-084604-7

Предисловие

Джеймс Тербер однажды написал, что разница между английским и американским юмором заключается в том, что если американский превращает экстраординарное в обыденное, то английский как раз поступает наоборот, превращая обыденное в экстраординарное. С этим замечанием, возможно, согласятся почитатели Джейн Остен, равно как и поклонники неувядающих романов о мисс Мэпп и Лючии Э.Ф. Бенсона. Барбара Пим принадлежит к той же категории: ее творчество даже более вышеупомянутых авторов иллюстрирует тезис Тербера об английском юморе. Ее проза восхваляет мелочи жизни, и, если подходить с такой мерой, «Замечательные женщины», несомненно, являются одним из самых очаровательно-забавных английских романов двадцатого столетия.

Подобно Джейн Остен, Барбара Пим создавала свои виньетки не на широком полотне, а на маленькой пластинке слоновой кости и описывала приблизительно тот же мир, что и ее более известная предшественница: мелочи из жизни незначительных людей, прожитой в английской провинции. В «Замечательных женщинах» читателю дают понять, что не так давно закончи-

лась война, но о том, что это за война, речь не заходит. У Джейн Остен тот факт, что на континенте бушуют Наполеоновские войны, едва ли отпечатывается в сознании персонажей. И все же, хотя романы Барбары Пим невообразимо далеки от глубоких политических и социальных проблем, они напоминают о том, что удел литературы, среди прочего, — воссоздавать пеструю картину мелких забот и тревог, составляющих нашу повседневную жизнь. Именно это наделяет ее романы непреходящей притягательностью.

«Замечательные женщины» — второй опубликованный роман Барбары Пим и, по мнению многих, самый лучший. Свою первую книгу, «Молодые люди в маскарадных костюмах», она написала в шестнадцать лет. Чудесное название этого подросткового произведения, возможно, позволило предвосхитить будущее: мужчины, молодые и не очень, оказываются в центре всех ее романов: мужчины, за которыми иронично и иногда мечтательно наблюдает рассказчица, приносят радость и разочарование (по большей части последнее) героиням всех ее книг. «Замечательные женщины» — роман о мужчинах, и населяющие этот роман замечательные женщины замечательны как раз потому, что таковыми их называют мужчины.

Первый роман, написанный Барбарой Пим уже в зрелом возрасте, «Та еще робкая газель», был поначалу отвергнут рядом издательств. Такого следовало ожидать: лишь немногим романистам улыбается случай, и их произведения с распростертыми объятиями принимает первый же издатель. Многих, без сомнения, отказ обескураживает настолько, что они вообще бросают писать. Барбара Пим писать не бросила, и в 1950 году. «Та

еще робкая газель» увидела свет. Два года спустя к публикации были приняты «Замечательные женщины».

На протяжении следующих одиннадцати лет Барбара Пим продолжала писать свои крайне индивидуалистичные, камерные романы. Хотя ее слава росла, она оставалась скромной писательницей и не бросала довольно скучную работу в Международном институте Африки, послужившем немалым источником вдохновения для некоторых ее романов. Затем, в 1963 г., произошла катастрофа. Барбара Пим послала рукопись своего нового романа «Неуместная привязанность» издателю Джонатану Кейпу и в ответ получила отказ. На то существовали различные причины, но сама Пим в качестве объяснения приводила следующее: ее манера письма — и описываемый ею мир — были сочтены старомодными. В этом есть доля истины: 60-е годы были эпохой интеллектуальных экспериментов и стремительных социальных изменений. Разумеется, Барбару Пим сочли бы старомодной в десятилетие «детей цветов» и наркотиков, и издатели, подобно всем остальным, тоже оказались во власти пьянящей атмосферы того времени. Но факт остается фактом: в результате злополучной погони за духом времени, а также ряда последовавших отказов известная писательница замолчала на четырнадцать лет. Барбара Пим продолжала писать в стол — возможно, не так плодovито, как если бы ее рукописи публиковались. И в этот период ее читатели, разумеется, были лишены того удовольствия, какое могли бы принести им ее произведения.

Запоздалый ренессанс наступил в 1977 году, когда два влиятельных критика — Филип Ларкин и Дэвид Сесил — развернули кампанию в пользу ее книг в «Ли-

тературном приложении» к «Таймс». Теперь ей наконец воздали должное, и те, кто прежде ее игнорировал, засыпали ее приглашениями. Какое же это было удовлетворение — пусть не для нее самой, так по крайней мере для ее друзей. В какую неловкую ситуацию попали те, кто полагал, что строгая диета из неприкрашенного социального реализма и откровенных сцен совокуплений — как раз то, чего желает читатель, а значит, и все, что он должен получать. Все это время читатели — или довольно большая их часть — тосковали по мелким радостям, прекрасному суховатому юмору и гениальным миниатюрам романов Барбары Пим. Нечто подобное произошло и в детской литературе: детей потчевали нравоучительными и образовательными, но очень скучными историями, тогда как на самом деле им хотелось читать о приключениях и — хотите верьте, хотите нет — жизни в закрытых частных школах. Со временем все это дала им мисс Роулинг.

После смерти Барбары Пим ее слава несколько не поблекла, напротив, она постоянно растет. Об этом свидетельствует тот факт, что ее имя стало нарицательным — это лучший комплимент, каким могут награждать автора последующие поколения. Такое произошло с очень немногими романистами: можно отметить Грэма Грина, чье имя не только стало нарицательным, но и дало название Гринландии — стране убогих гостиниц и забытых колониальных уголков. Так вышло и с Хемингуэем: жизнь, которую называют «хемингуэевской», наполнена боями быков, охотой и морской рыбалкой. Когда то или иное явление называют «очень пимовским», это означает, что речь идет о саморефлексии и остром осознании ничтожности собственной жизни,

проходящей на «обочине». «Пимовское мгновение» переживаешь и тогда, когда понимаешь, что никогда не станешь предметом большой любви для тех, за кем наблюдаешь. Теплой приязни — возможно, но глубокой и страстной любви — никогда. По сути, ты и права-то на такие эмоции не имеешь, пусть и утверждается, что наблюдение за ними в других возвышает душу.

Описанный в «Замечательных женщинах» мир — мир недостатков и благородного обветшания. Тут нет истинной бедности или нищеты — это не является областью Барбары Пим. Персонажи этого романа знали лучшие дни: они из пасторской среды, но теперь в складчину снимают квартиру, способны оценить пищу лучшую, чем консервы, которыми теперь питаются, и в их жизни когда-то было побольше света.

Узнаваем ли этот мир для современного читателя? На мой взгляд, да. Несомненно, сегодняшний Лондон очень отличается от описанного Барбарой Пим. Он более космополитичен, более опасен, более, чем когда-либо, оторван от сельской местности, но все равно узнаваем. И «Замечательные женщины», как и прочие романы Пим, выходят за рамки конкретного исторического фона, поскольку повествуют о человеческих устремлениях и надеждах, которые немногим отличаются от наших сегодняшних: все мы в чем-то себя не реализовали, всем нам хочется, чтобы все у нас было чуточку лучше. Мир смутных устремлений подан в романе так, что не просто показывает, как могут саднить несбывшиеся надежды, но и позволяет над ними улыбнуться. Читая Барбару Пим, не рассмеешься — это было бы чересчур. Но улыбаешься и откладываешь книгу, чтобы с удовольствием улыбнуться еще раз. По-

том возвращаешься к чтению, и через несколько минут какое-нибудь неожиданное замечание о человеческих слабостях вызывает новую улыбку.

Как раз такие ремарки, на мой взгляд, и делают «Замечательных женщин» настолько притягательными. Сам сюжет не лишен интереса, но именно описание мирка, в котором живет рассказчица, и скромных удовольствий, которые она в нем находит, не позволяют отложить книгу. В самом начале Милдред, например, говорит: «Как часто я почти со стыдом бормотала: “У меня общая ванная”, — будто меня лично сочли недостойной собственной ванной комнаты!» Сама мысль о том, что кто-то может быть недостойн собственной ванной комнаты, неожиданна, но забавна, потому что это *сiе de соеиг** — выражение неосуществленных стремлений, желания быть тем, кем судьба никогда не позволит тебе стать. Нам всем хочется быть счастливыми — нам всем хочется иметь собственную ванную комнату, — но это счастье для огромного числа людей оказывается недостижимым. Мы все наполняем свою жизнь мелочами, и эти мелочи приобретают для нас огромное значение. Барбара Пим это понимает и, так ярко рисуя мелочи, помогает нам проявить больше сочувствия к ближним. Если признаком великого романа считать то, что он заставляет читателя сопереживать его персонажам, пробуждает в нас способность сочувствовать людям, то «Замечательные женщины» в каком-то смысле — незначительный роман об очень малом, а в каком-то — великий об очень многом.

Александр Макколл-Смит, 2008 г.

* Крик души (фр.) — Здесь и далее примеч. пер.

Глава 1

— Ах, женщины-женщины! Если где-то что-то происходит, вы уже тут как тут!

Голос принадлежал мистеру Моллету, нашему церковному старосте, и от его плутоватых ноток я виновато вздрогнула, точно меня застали за чем-то неприличным и я не имела права показаться у собственной входной двери.

— Новые жильцы въезжают? Судя по мебельному фургону, я бы сказал, что да, — высокопарно продолжал он. — Уж вы-то, надо думать, знаете толк в таких вещах.

Полагаю, незамужней женщине чуть за тридцать, которая живет одна и не имеет родных, следует ожидать, что ближние подумают, будто она станет совать нос в чужие дела, а если она еще и дочка приходского священника, то можно сказать, что ее положение действительно безнадежно.

— Однако *tempus fugit**, — крикнул на бегу мистер Моллет.

Мне пришлось согласиться: мол, действительно так, но на пороге я замешкалась — посмотреть, как грузчики спускают на мостовую пару стульев. Поднимаясь к себе в квартиру, я слышала чьи-то шаги в пустых комнатах подо мной: шаги гулко отдавались по голым половицам, очевидно, кто-то решал, как расставить мебель.

Наверное, это миссис Нейпир, подумала я, поскольку заметила письмо с пометкой «В ожидании прибы-

* Время бежит (*лат.*).

тия», адресованное миссис Нейпир. Но теперь, когда она наконец прибыла, мне вдруг не захотелось с ней встречаться, поэтому я поспешила к себе и начала прибираться на кухоньке.

Столкнулась я с ней ближе к вечеру у мусорных баков. Мусорные баки в подвале находились в общем пользовании. На первом этаже нашего дома располагалось несколько контор, а над ними — две квартиры, не вполне отдельные и без удобств. Как часто я почти со стыдом бормотала: «У меня общая ванная», — точно лично меня сочли недостойной собственной ванной комнаты!

Низко нагнувшись над баком, я выскребала чайники и картофельные очистки со дна помойного ведра, а потому очень смутилась от такой встречи. Я собиралась как-нибудь вечером пригласить миссис Нейпир на кофе. Мы познакомились бы на изысканный и цивилизованный манер — с моими лучшими кофейными чашками и печеньем на серебряных тарелочках. И вот я стою в самой поношенной своей одежде, с помойным ведром и корзинкой для мусора.

Первой заговорила миссис Нейпир.

— Вы, должно быть, мисс Лэтбери, — сказала она вдруг. — Я видела вашу фамилию у второго звонка.

— Да, я живу в квартире над вами. Очень надеюсь, что вы хорошо устроились. Переезжать всегда так хлопотно, правда? Кажется, сколько ни трудись, вещи никогда не встанут по местам, и вечно теряется что-нибудь нужное, заварочный чайник или сковородка...

Банальности легко срывались у меня с языка, возможно потому, что юность в сельском приходе научила меня справляться почти с любыми потрясениями и я

даже знаю, как вести себя в «великие мгновения жизни» — рождения, брака, смерти, успешной воскресной ярмарки, праздника в саду, испорченного плохой погодой... «Милдред — такое подспорье своему отцу», — говаривали у нас в приходе после смерти мамы.

— Приятно будет знать, что в доме живет кто-то еще, — добавила я, поскольку в последний год войны мы с моей подругой Дорой были здесь единственными жильцами, а потом я еще месяц жила совсем одна, так как Дора съехала, получив место учительницы в загородной школе для девочек.

— Боюсь, я мало бываю дома, — поспешно ответила миссис Нейпир.

— Разумеется, разумеется, — дала я задний ход. — И я тоже.

На самом деле я почти всегда была дома, но прекрасно понимала ее нежелание завязывать более тесное знакомство, которое может превратиться в обузу. На первый, поверхностный взгляд ничто тесной дружбы не предвещало: она была хорошенькой блондинкой, одетой в модные вельветовые брюки и яркий кардиган, а я, сама по себе невзрачная и серенькая, лишь привлекала внимание к этим своим качествам обвисшим халатом и старой бежевой юбкой. Позвольте добавить, что я совсем не похожа на Джейн Эйр, давшую надежду множеству некрасивых женщин, которые охотно принимались рассказывать свои истории, да никогда и не считала себя на нее похожей.

— Мой муж служит во флоте, но скоро выйдет в отставку, — почти предостерегающе сказала миссис Нейпир. — Я готовлю квартиру к его приезду.

— А, понимаю.

Интересно, что могло привести морского офицера и его супругу в эту захудалую часть Лондона? Наши места совсем «с не той стороны» от вокзала Виктория и далеко не Белгравия, и, хотя сама я питала к ним сентиментальную привязанность, обычно они не притягивали людей с внешностью миссис Нейпир.

— Наверное, все еще трудно найти квартиру, — продолжала я, подстегиваемая любопытством. — Я живу тут уже два года, и тогда было намного проще.

— Да, я ужасно намучилась, и это действительно не совсем то, что мы хотели. Меня отнюдь не греет мысль об общей ванной, — сказала она прямо. — И даже не знаю, что скажет Рокингхем.

Рокингхем! Я ухватилась за это имя, точно нашла в мусорном баке драгоценный камень. Мистера Нейпира зовут Рокингхем! Как же человеку с таким именем будет неприятно делить с кем-то ванную!

— По утрам я все делаю очень, очень быстро, — поспешила сообщить я, — а по воскресеньям обычно рано встаю, чтобы пойти в церковь.

На это она улыбнулась, а потом сочла необходимым добавить, что сама она в церковных службах смысла не видит.

Наверх мы поднимались молча — каждая со своим ведром и корзинкой. Шанс «нести Слово Божие», к чему всегда побуждал нас священник, представился и миновал. Мы уже были на ее площадке, когда, к моему немалому удивлению, она спросила, не зайду ли я на чашку чая.

Не знаю, действительно ли старые девы любопытнее замужних женщин, хотя, полагаю, они считаются такими из-за пустоты собственной жизни, но не могла же

я признаться миссис Нейпир, что не далее как сегодня после чая я специально взялась подметать свой лестничный пролет, чтобы, заглядывая между столбиками перил, посмотреть, как вносят ее мебель. Я уже заметила, что у нее есть кое-что недурное: бюро орехового дерева, резной дубовый сундук и набор чиппендейловских стульев, — а последовав за ней в квартиру, увидела, что она счастливая обладательница кое-каких интересных безделушек: викторианских пресс-папье и «снежных шаров», очень похожих на те, какие стояли на моей собственной каминной полке.

— Это Рокингхем, — пояснила она, когда я выразила свое восхищение. — Он собирает вещи Викторианской эпохи.

— Мне и собирать не надо было, — отозвалась я. — Раньше я жила в пасторате, и дом был полон таких мелочей. Очень трудно было решить, что оставить, а что продать.

— Наверное, это был большой, неудобный сельский дом с гулками коридорами, масляными лампами и множеством нежилых комнат, — сказала она вдруг. — По ним иногда испытываешь ностальгию, но жить в таком мне бы совсем не хотелось.

— Он таким и был, но очень приятным. Здесь мне иногда кажется тесновато.

— Но у вас-то, разумеется, больше места, чем у нас?

— Да, еще и чердак, но комнаты довольно маленькие.

— И, опять-таки, общая ванная, — пробормотала она.

— У ранних христиан все было общее, — напомнила я. — Надо быть благодарными, что у нас отдельные кухни.